

Сказка об Иванушке-дурачке

I.

Жил да был в одном городе мужичок-простачок, по имени Пахом.

Пахом был мужик богатый, хозяйственный.

Была у него и хорошая, просторная изба и пара лошадей, корова, да еще штук десять овец.

Словом, Пахом недостатка ни в чем не терпел, а между своими даже за богача слыл.

Была у Пахома и жена.

А от той жены Пахом трех сыновей прижил.

Старшего звали Семеном, среднего — Еремой, а младшего — Иваном.

Семен был парень разбитной, на ум хитрый, расторопный и славился на селе, как умница.

Ерема был ни умен ни глуп, парень был работающий, ничем особенным не отличался и как-то ни перед кем не выделялся.

А Ивана все почитали дураком.

Иван был парень тихонький, всех немного дичился, вперед не выставлялся, любил один посидеть.

За то его дураком все и считали.

Была у Пахома и земля.

На той земле Пахом рожь, гречиху и овес сеял.

Долго ли, коротко ли жил Пахом, да только вдруг заметил, что его овсяное поле кто-то вытаптывает.

Как утром ни взглянет на поле Пахом, так только руками всплеснет.

Не столько овса поедено, сколько перетоптано.

«Ну, — подумал Пахом, — не иначе, как Михайло Иванович Топтыгин ко мне каждую ночь жалуется».

Вот и задумал Пахом медведя извести.

Призвал он к себе сыновей и сказал им:

— Сынки вы мои милые, сами видите, что повадился к нам кто-то по ночам на овсяное поле ходить и то поле топтать. Надо нам врага этого поймать и его уничтожить. Ведите же от сей ночи очередь и стерегите вы мое поле овсяное.

— Ладно, — сказали сыновья.

Пришел вечер, и сыновья порешили так: первую ночь старший сын стеречь будет, вторую — средний. а третью — младший.

Вот наступил вечер.

Взял старший сын ружье и пошел к овсяному полю.

Сидел-сидел, никого пет.

Захотелось Семену спать.

Прикурнул он на земле, да и заснул, как убитый.

А когда проснулся, так и увидел, что часть поля вытоптана.

Пришел Семен домой и говорит отцу:

— Прости, родимый батюшка. Сторожил я прилежно всю ночь, но никого не видал. А поле вытоптано.

— И никого не видал? — подивился Пахом.

— Никого, батюшка, — ответил Семен. — Всю ночь не смыкал глаз.

Наступил второй вечер.

Взял средний сын, Еремей, ружье и аркан и пошел к овсяному полю.

Сидел-сидел, потом склонил голову, да и заснул, как убитый.

Ночью ничего не видал, а на утро поле все-таки вытоптанным оказалось.

Пришел Еремей домой, стал отцу говорить:

— Всю ночь не спал я, батюшка, а вора не видал и шума не слышал. Невидимкой он, видно, на нашу землю является.

Наступил третий вечер.

Стал на стражу Иван-дурак собираться.

А старшие братья над ним только посмеиваются.

— И что тебе ходить, — говорят. — Уж если мы не видали, так где уж тебе, дураку, увидеть!

А Иван-дурак, знай, ухмыляется.

— Ну, и что же, — говорит. — Другой раз того умному не удастся, что удастся дураку.

Только ружья Иван-дурак с собой не взял.

Взял только краюшку хлеба, кринку с водой, да аркан и пошел стеречь овсяное поле.

Забрался в самый овес, да и стал ждать.

Как только ему спать захотелось, он краюшечку покушал, водицы из криночки попил, глядь, а сон ему и разогнало.

Сидел-сидел Иван-дурак, вдруг слышит, кто-то топчет.

Выглянул Иванушка-дурачок из овса, глядит — бежит к полю конек.

Конек сам маленький, уши здоровые, а на спине горб.

Сроду таких уродов Иванушка не видал.

Прибежал конек-горбунок к овсяному полю и давай по нем бегать.

Не столько ест овес, сколько топчет его.

Взял Иванушка аркан, подкрался к коньку-горбунку, да как кипет аркан!

Рванулся-было конек-горбунок, да аркан ему горло сжал.

Обрадовался Иванушка.

«Вот, — думает, — диковинную животину поймал!»

Только вдруг слышит, а конек-горбунок с ним человеческим голосом говорит.

— Отпусти ты меня, Иванушка, сослужу я тебе за это службу.

Подивился Иванушка.

— А что же ты мне сделаешь? — спрашивает.

— Да что захочешь, то и сделаю, — отвечает конек-горбунок.

Подумал-подумал Иванушка, да и говорит:

— Ну, ладно. Беги себе, куда знаешь, да только нашего поля не трогай.

А конек-горбунок ему и отвечает:

— Как понадобится я тебе, так выйди за околицу, да только крикни: «Конек-горбунок, встань передо мной, как лист перед травой». Вот я и прискачу.

Кивнул головой Иванушка-дурачок и отпустил на свободу конька-горбунка, а сам домой пошел и спать завалился.

Обозлился Пахом утром, увидав, что Иван преспокойно дома спит.

Стал он сына ругать.

А Иванушка и говорит:

— Не за что меня ругать. Нонче ночью поля никто не топтал.

Посмотрел Пахом поле: и впрямь в эту ночь никто его не топтал.

А братья над Иванушкой, знай, подтрунивают:

— Дуракам всегда счастье. И сторожить не сторожил, и поля никто не вытоптал.

А Иванушка про конька-горбунка никому ни слова.

II.

Вот как-то заболела у царя его единственная дочь.

Опечалился царь.

Созвал он в свой дворец лучших докторов, велел им дочь свою, Елену-Красоту, лечить.

Да сколько ни бились доктора, а царевнин недуг никак извести не могли.

Что ни день, а царевне все хуже.

Вот-вот, того и гляди, помрет.

Совсем затосковал царь.

И велел он по всему царству объявить, что выдаст свою дочь, Елену-Красоту, замуж за того, кто ее от злого недуга излечит.

Полетели по всему царству гонцы царские.

— Гей вы, люди православные! — закричали они по всем городам. — Кто излечит из вас дочь царскую? Выдаст за того царь дочь свою. А коли помрет от того лечения Елена-Красота, то пусть уж не пеняет. Лютой смертью будет казнен.

Иванушка на улице сидел и подсолнушки лушил, когда на их улице вдруг царский гонец появился.

Собрался народ.

Пошел послушать гонца и Иванушка.

Объявил гонец народу слова царские.

Только никого желающих не нашлось.

Даже лекаря на тот зов не отозвались, побоялись в случае неудачи казненными быть.

Один Иванушка призадумался.

Вспомнил он про конька-горбунка.

Но никому он о своих думках ничего не сказал, как не сказал и о том, как конька-горбунка поймал.

Глупым считался, а умно поступил.

III.

Думал-думал Иван, дождался вечера, вышел в поле, да как крикнет:

— Гей, конек-горбунок, стань передо мной, как лист перед травой!

Только успел крикнуть, ан, глядь, конек-горбунок уже перед ним стоит.

— Что тебе, — спрашивает, — Иванушка, нужно?

— Да вот видишь ли, конек-горбунок, — говорит Иванушка. — Заболела царская дочь, и приказал царь всем сказать, что за того, кто царевну вылечит, он свою дочь отдаст. Не можешь ли ты мне в этом деле помочь?

А конек-горбунок отвечает:

— Почему не помочь, дело не трудное. Пойди к царю и скажи ему, что берешься царевну вылечить, а завтра вечером вызови меня, все, что надо, устроено будет.

Поблагодарил Иванушка конька-горбунка и пошел домой.

Подошел к отцу и говорит:

— Ну, благослови меня, батюшка. Пойду я завтра царскую дочь лечить. Хочу на царской дочери жениться.

Услыхали эти слова старшие братья, да как схватятся за бока, как начнут хохотать.

— Ах ты, дурак, дурак! Ведь, придет же такое тебе в голову! Должно быть, голову надоело па плечах носить.

Пахом тоже вступился.

Хоть и считал он Ивана дураком, да все-таки жалел его.

Стал он его уговаривать.

Да так и не уговорил.

— Не благословишь, так без благословения уйду, — твердит Иван.

Нечего делать.

Благословил Пахом сына, новый кафтан дал, чтобы перед царские очи не стыдно было предстать.

А мать ему лепешек в карман насовала.

Пробовали-было и братья Ивана уговаривать, да он и их не послушал.

Наконец, братья махнули рукой:

— Нечего, мол, дурака разуму учить! Одной дурной головой на свете меньше будет, вот и все.

Переночевал Иванушка дома, утром приоделся, Богу помолился и пошел к царю.

Прямо во дворец лезет.

Стала его стража расспрашивать, кто он такой и зачем пришел.

А Иванушка и отвечает:

— Так и так, пришел царскую дочь лечить. А зовут меня Иваном, по батюшке Пахомычем.

Доложили об Иване царю.

Вышел царь, подивился.

— Не с дурасти ли, — спрашивает, — ты за это дело берешься? Уговор-то, чай, знаешь? Где ж тебе, простому крестьянину, было такой премудрости научиться?

Поклонился в пояс царю Иван, да отвечает:

— Не боюсь я, царь-государь, смерти. А хочу я твою дочь от злого недуга излечить. А где я, крестьянский сын, той премудрости научился, так про то я уж сам знаю.

— Ну, что же, — говорит царь. — Лечи.

Велел он Ивана в комнате поместить, да кормить хорошенько.

Дождался Иванушка позднего вечера, вышел в поле, да как крикнет:

— Конек-горбунок, стань передо мною, как лист перед травой!

Глядь, а конек-горбунок уже перед ним стоит и головой весело поматывает.

— Ну, — говорит, — Иванушка, вот поскреби ты мое копыто. А что наскребешь, в тряпочку положи, с маслицем смешай, да той мазью царевне виски натри.

Сделал Иванушка, как приказывал ему конек-горбунок.

Поскреб он его копыто и отпустил на волю.

Пришел Иванушка во дворец, приказал себе маслица подать, сделал мазь и объявил, что хочет царевну видеть.

Пришел царь и повел его сам к дочери.

Как увидел Иванушка царевну, так только ахнул. Уж такая-то царевна раскрасавица была, что подобной ей во всем царстве не было.

Была царевна без чувства, даже отца не узнала,

Взял Иванушка свою мазь, помазал царевне виски.

И только-что успел помазать, как тотчас же злой недуг красавицу оставил.

Открыла она свои ясные очи, улыбнулась отцу и встала с кровати такая здоровая, словно никогда ее хворь не брала.

Обрадовался царь.

Глядит на дочь и глазам своим не верит.

Стал он царевну ласкать и миловать, стал ей рассказывать, как она болела, как доктора ее спасти не могли и как ее крестьянский сын Иванушка спас.

Повеселела царевна, стала петь и танцевать, да вдруг и затуманилась.

А затуманилась она тогда, когда отец ей рассказал, какой ценой ее выздоровление куплено.

Закручинилась царевна.

Вызвала она отца в другую горницу и говорит:

— Что же это ты, батюшка, сделал, меня, царевну, за простого мужика отдаешь?

И царь ей и говорит:

— Что же, дочка, поделаешь? Жизнь твоя-то мне дороже.

А дочка ему и говорит:

— Оставь ты меня, батюшка, с Иванушкой. Я сама с ним и сделаюсь.

Послушался царь царевны.

«А что же, — думает. — И впрямь не гоже царскую дочь за мужика простого отдавать».

А в то же время нельзя и царского слова не исполнить.

Оставил он Иванушку с царевной, а сам и ушел.

Остался Иванушка с царевной.

Вот царевна и говорит Иванушке:

— Слушай ты меня, Иванушка! Сказал мой отец, царь-государь, что выдаст меня за того, кто меня от злого недуга избавит. Да только, ведь, у меня своя воля есть.

— Известно, — говорит Иванушка.

— Ну, вот, рада, что ты согласился. Так вот тебе и мой сказ. Исполнишь ты три моих желания, так я твоей женой буду, а не исполнишь — не взыщи.

Задумался Иванушка.

— Ну, ладно, — говорит. — Говори свое первое желание.

Вот и заговорила царевна:

— Достань мне, Иванушка, ту самую птицу, которая жар-птицей называется. А птица та хранится за сорока реками, за сорока царствами, за восьмидесятью замками, у славного царя Кардана, что непобедимым считается.

Опешил Иванушка.

Шутка ли сказать, такое дело сделать.

Вышел он от царевны, призадумался.

Дождлся он вечера, вышел в чистое поле, да как крикнет:

— Конек-горбунок, встань передо мной, как лист перед травой!

И в ту же секунду конек-горбунок перед ним появился.

— Что тебе, Иванушка, нужно?

Заплакал Иванушка.

— Эх, конек-горбунок, — говорит. — И зачем только я царевну увидел! Ведь, вот она какую задачу мне задала. А я царства этого не знаю.

А конек-горбунок и отвечает:

— Эх, нашел о чем кручиниться, Иван! Скажи ей, что жар-птица у нее через три дня будет. А сам приходи сюда сейчас.

Пошел Иванушка-дурачок к царевне, да и говорит:

— Ну, царевна прекрасная, будет у тебя жар-птица через три дня.

Улыбнулась царевна.

«Ну, — думает, — поедет, а там, глядишь, и не приедет».

Простился Иванушка с царем и царевной, надел шапку и вышел в поле, где его конек-горбунок уже давно ждал.

— Ну, — говорит конек-горбунок, — слушай меня хорошенько, Иванушка. Как приедешь ты ко дворцу царя Кардана, так войди в него тихонечко. Во дворце о ту пору все спать будут. Войдешь ты во двор, войдешь в горницу. А в той горнице ни ламп ни свечей нету, а светло, словно днем. А светло потому, что сидит там в клетке жар-птица, у которой каждое перышко, словно луч солнца, светится. Возьми ты эту жар-птицу. да только клетки не бери. А теперь, пока-что, садись мне на спину, да вперед не смотри.

Сел Иванушка на конька-горбунка, задом наперед, ухватился ему за хвост.

Взвился конек на воздух.

Полетели они через леса дремучие. через поля широкие, перелетели через сорок рек широких и очутились в царстве царя Кардана.

Ночь была, когда Иванушка до дворца доехал.

Посмотрел, а стража вся спит.

Конек-горбунок прямо через ограду перелетел и около двери встал.

Отворил Иванушка дверь, да чуть не ослеп.

Такой свет в комнате, словно там три солнца находится.

А это не три солнца, а всего одна жар-птица сидит и вся она сиянием светится, как жар горит.

Открыл Иван дверцу, вынул жар-птицу, да вдруг и остановился.

Видит — клетка вся из золота, драгоценными камнями усыпана.

Жаль стало Иванушке клетки.

Посадил он жар-птицу обратно в клетку, хотел ее поднять.

И вдруг, как зазвонят колокола, как зазвонят струны.

Весь дворец на ноги поднялся.

А зазвонили колокола и зазвенели струны потому, что от клетки к колоколам нити были протянуты и посредством тех нитей вся тревога поднялась.

Испугался Иванушка, бросился к выходу.

Едва успел на конька-горбунка вскочить, чуть от сабель стражи не погиб.

Взвился конек-горбунок под самое небо, за облака белые.

Только головой покачал конек-горбунок.

— Эх, — говорит, — Иванушка! Не послушал ты меня. Придется теперь еще сутки переждать. А если ты и теперь за клетку возьмешься, так не видать тебе ни жар-птицы ни царевны.

Только теперь Иванушка понял, какую глупость он сделал. Переждали они день весь в лесу темном, а ночью снова во дворец его конек-горбунок принес.

На этот раз Иванушка умнее поступил.

Вошел он в ту комнату, в которой жар-птица сидела, взял ее из клетки, до клетки рукой не дотронулся, а самую птицу в мешок сунул и во двор вышел.

Сел он на конька-горбунка, взвился на воздух.

И двух дней не прошло, как он назад во дворец царя Дарана прилетел.

Ночь была.

А как приехал Иванушка во дворец, да вынул из мешка жар-птицу, так вся стража наружу высыпала, думала, что пожар горит.

Даже сам царь с царевной с перепугу из дворца выскочили.

А Иванушка подошел к царевне, да и подает ей жар-птицу.

— Вот, — говорит, — царевна прекрасная, то, что вы просили.

Затуманилась царевна прекрасная, видит, что ее дело не выходит. «Ну, — думает, — авось моего второго желания не исполнит».

— Хорошо, — говорит. — Первое ты мое желание исполнил, а теперь второе мое желание исполни. Есть тут за тридевять земель царство славного царя Радея. И есть у того царя Радея конь, а у того коня белоснежного — золотая грива. И знаменит этот конь тем, что может он любую реку переплыть, любой овраг перескочить, через любую гору перепрыгнуть.

Подумал Иван, да и говорит:

— Ну, ладно, царевна прекрасная. Так и быть, может быть, и вторую просьбу твою удастся исполнить.

А царь и царедворцы только на Иванушку поглядывают, да диву дивуются.

Мужицкий сын, а царевну лучше всех докторов вылечил, жар-птицу от непобедимого царя достал.

Вышел Иванушка из дворца, дождался вечера темного, вышел в поле чистое и кликнул своего конька-горбунка.

И лишь только кликнул, как тотчас конек-горбунок перед ним предстал.

Рассказал Иванушка ему про свое горе.

А конек-горбунок и говорит ему:

— Эх. Иванушка, не печалься. Сослужу я тебе службу верную, достану тебе и златогривого коня, как достал и жар-птицу. Садись на меня.

Сел Иванушка на конька-горбунка задом наперед, и помчался конек-горбунок пуще ветра буйного, пуще стрелы каленой.

И полсутки не прошло, как Иванушка в тридешатое царство примчался и темной ночью около дворца царя Радея очутился.

Вот и говорит ему конек-горбунок:

— Ну, Иванушка, иди ты в конюшню царскую. В той конюшне златогривый конь стоит. А того коня ты по блеску узнаешь. Возьми ты этого коня за гриву, да только недоуздка драгоценного не трогай. А как недоуздок тронешь, так будет с тобою такая же неудача, какая с жар-птицей была.

Соскочил Иванушка с конька-горбунка, видит — около конюшни все конюхасном повальным спят.

Взял он отвязал у старшего конюха с пояса золотой ключ, отпер конюшню с золотым замком и вошел в нее.

Видит — и впрямь златогривый конь в стойле стоит, так грива в темноте и блестит.

А рядом драгоценная уздечка висит, на коне недоуздок бриллиантами сверкает.

Да только не прельстился на этот раз Иванушка драгоценным недоуздкой, послушал совета конька-горбунка.

Отвязал он коня златогривого от яслей, надел на него простой оборот, вывел во двор.

А слуги все спят.

А конек-горбунок и говорит:

— Ну, Иванушка, садись ты на златогривого коня, скачи ко дворцу царя, скажи, что добыл ты добычу славную, а меня, когда нужно, позовешь.

Поблагодарил Иванушка конька-горбунка, сел на коня златогривого.

И только ударил коня по крутым бедрам, как взвился конь на дыбы и поскакал так, что только пыль понеслась.

Не успел Иванушка очнуться, как уже перед дворцом царя своего очнулся.

Как услышал царь топот конский, да топот богатырский, так и вскочил с постели.

Даже и царевна с постели вскочила.

Выскочили все на улицу, глядь, а Иванушка на златогривом коне скачет.

Из ноздрей коня дым валит, изо рта огонь пышет.

Только руками развели царь и придворные.

А Иван-царевич в пояс царевне поклонился и коня златогривого ей в подарок преподнес.

— Извольте, царевна, — говорит.

Призадумалась царевна.

Видит уж, что Иван-дурак все самые трудные поручения выполнил.

Да и сказала она по чистой совести:

— Пошла бы я за тебя замуж, Иванушка, да только не пригож ты. Вот если бы ты смог пригожим стать. Вот тогда я бы за тебя пошла.

Понурил голову Иванушка.

Ну, что тут делать?

Попросил он царевну сутки сроку ему дать, а как пришла ночь, свистнул своего конька-горбунка.

Прибежал конек-горбунок и спрашивает:

— О чем, Иванушка, снова тужишь?

А Иванушка и отвечает:

— Как же мне не тужить? Ну, дело другое — достать что-нибудь! А, ведь, моя-то невеста хочет, чтобы я пригожим стал.

— Ах, вишь, оно что, — засмеялся конек-горбунок.

А Иван знай плачет.

— Плакал, я плакал, — говорит. — Да что тут поделаешь? Достать что-нибудь ты, конечно, можешь. А красивым разве можно человека сделать? Уж каким родился, таким и будет человек.

Выслушал Иванушку конек-горбунок, да и отвечает:

— Не тужи, Иванушка. Может быть, я и теперь твоему горю помогу. Иди-ка ты к реке, сними с себя все платье, вымойся хорошенько и ко мне приходи.

Послушался Иванушка конька-горбунка.

Пошел он к реке, разделся, вымылся и к коньку-горбунку назад пришел.

А конек-горбунок говорит ему:

— Ну, Иванушка, полезай ко мне в правое ухо, а из левого вылезай.

Влез Иванушка-дурачок коньку-горбунку в правое ухо, вылез в левое, да как взглянул на себя, так только ахнул.

Глядит на себя — глазам не верит.

На плечах шелковый, шитый золотом кафтан, на голове шапка соболья с алым верхом, на ногах сапожки сафьяновые.

Сунул Иванушка руку в карман — монисто драгоценное нашел.

А конек-горбунок ему и говорит:

— Ну, вот теперь ступай во дворец, царевне монисто подари и себя покажи.

Пошел Иван во дворец, приказал о себе царевне доложить.

Вышла к нему царевна, да как взглянула на него, так сразу и влюбилась.

Понравился Иван и царю.

Устроил он тут на радости пир и свадьбу.

Велел он на тот пир всех знатных людей звать.

А Иванушка приказал своих родителей и братьев позвать, послал им дорогие платья.

А Пахом и его старшие сыновья ничего не подозревали.

Удивились они, получив платья, явились во дворец.

Да как увидели Ивана, так даже растерялись.

Рассказал тут сам Иванушка, как все случилось, пригласил с собой во дворец жить.

Отпраздновал царь свадьбу по-царски, попиروвали три дня.

Потом гости по домам разъехались, только Пахом с женой и со старшими сыновьями во дворне жить остались.

И стали все с этого времени во дворце жить да поживать, да добра наживать.

И конек-горбунок стал с ними жить, а Иван ему каждое утро сам пшеницы-белоярой засыпать.

А когда старый царь умер, царством Иван управлять стал, а братьев своих министрами сделал.

И были все его управлением очень довольны и слава о нем по всем царствам разлетелась.